

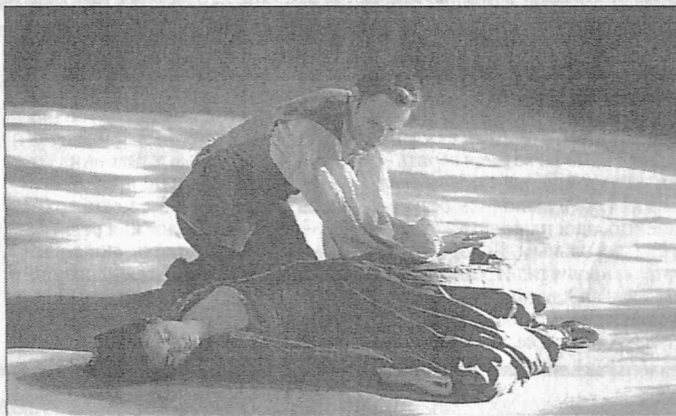
Французские игры в чеховском МХАТе

В Москве был показан спектакль известного французского режиссера Жан-Пьера Венсана по пьесе Мариво «Игра любви и случая».

Мы привыкли, что из Франции к нам обычно везут Мольера, Расина или Ануя, а тут малознакомый автор эпохи Регентства... Собравшимся хотелось получить удовольствие от легкой и изящной французской комедии, а также выяснить, что представляет собой театр с красивым названием «Нантер — Амандье» сейчас, через десять лет после гастролей в Москве с «Гамлетом»; и каким стал альянс этого театра с уже известным нашей публике по визиту «Комеди Франсез» режиссером Венсаном.

Театр Нантера эпатирует публику постановками не только драматических спектаклей, но и опер и балетов самого современного толка. Здесь играли Мария Казарес, Джейн Биркин, Даниэль Отэй и Мишель Пикколи. Не раз работами «Нантер—Амандье» открывался знаменитый авиньонский фестиваль.

В 1968-м, революционном для Франции, году Жан-Пьер Венсан, не скрывавший своих левых взглядов, основал политический театр, ориентированный на «трудную» немецкую драматургию, в том числе на Брехта. В 1983-м Венсан пришел в качестве директора в «Комеди Франсез» и попытался растряссти академическую рутину «мольеровского дома», привить ему свой люби-

VITOR PASCAL

Современный взгляд на Мариво.

мый постмодернизм, что, естественно, не могло не завершиться скорым, через три года, разрывом. Кстати, в 1985-м Венсан с «Комеди Франсез» успел привезти в Москву мольеровского «Мизантропа»...

Пьесы Пьера Карле де Шамблен де Мариво — «Сюрприз любви», «Торжество любви», «Двойное непостоянство», «Ряженый принц», а особенно признанные шедевры «Фальсификаторы секретов» и «Игра любви и случая», — так же богаты характерами и сюжетными поворотами, как творения Мольера. Мариво автор парадоксальный, последователь Монтеня, Паскаля и Ларошфуко. Тем не менее он достаточно долго не был особенно популярен во Франции. Энтузиазм Венсана положил начало второму ро-

ждению Мариво-драматурга, и теперь вокруг вновь открытого гения поднялся настоящий бум.

Привезенный в Москву спектакль оказался простым, незамысловатым, молодым и веселым. Актеры перемешались по сцене с грациозной неловкостью. Французский язык галантного восемнадцатого столетия приобрел в их устах интонации арго современного парижского пригорода. Костюмы лишь условно соотносились с эпохой; декорации выглядели предельно просто: три стены, одна из которых — зеркальная — отражала все происходящее с искажением. Проблем с пониманием текста не возникло, поскольку спектакль сопровождался бегущей строкой электронного перевода. Правда, присутствовавшие в зале французы смеялись в

неожиданных для остальной публики местах, что подразумевало наличие второго смысла и лукавого подтекста. Мариво использовал банальный сюжет — переодевания, путаница слуг и господ, но вывернул его наизнанку. Молодые люди, помолвленные заочно по желанию своих родителей, не хотят слепо доверять свою судьбу чужому выбору. Тем более что в их головах бродят мятежные свободолюбивые идеи, благо Великая французская революция не за горами... Мариво заставляет своих героев пройти через ревность, страх, муки любви и самолюбия, мистификации и разоблачения. При этом от его комедии остается неоднозначное ощущение: иногда кажется, что автор вовсе и не намерен был шутить.

«Мариво в молодости чрезвычайно увлекался итальянской комедией «дель арте», — рассказывал мне Жан-Пьер Венсан, — а потом просто бредил классическими трагедиями. Эта двойственность навсегда сохранилась в его творчестве. Герои то предстают живыми, страдающими людьми, то надевают маски и веселят публику».

Бернар Дорт сказал, что театр Мариво — это одновременно познание и наслаждение, наслаждение от равновесия общества, которое больше не верит ни в свои ценности, ни в свой порядок. Но при этом боится беспорядка. Хороший пример, догнавший нас из восемнадцатого века.